

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1

1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД СРЕДНЕЙ АЗИИ

(По данным археологии и письменных источников)

В истории Средней Азии VII—VIII века — время решительных социальных и политических сдвигов, полное крупных исторических событий и напряженной борьбы. Поэтому всякое указание письменных источников, археологические данные или исторические проблемы, связанные с этим периодом, приобретают острый интерес. Несомненно, что в ряду первоочередных проблем стоят вопросы формирования феодальных городов Средней Азии.

Изучение истории городов Средней Азии, начатое задолго до Великой Октябрьской социалистической революции В. А. Жуковским, В. В. Бартольдом и другими учеными, в настоящее время получило солидную фактическую базу благодаря работам А. Ю. Якубовского, С. П. Толстова, М. Е. Массона, А. Н. Бернштама и других исследователей; в 1950 г. вышла книга В. А. Лаврова, посвященная истории градостроительства Средней Азии¹. Однако, несмотря на крупные достижения среднеазиатской археологии, в отношении городов VII—VIII вв. исследователи оказываются в довольно трудном положении. Городища этого времени изучены мало и требуют упорных и продолжительных раскопок, а письменные источники рисуют в основном город IX—X вв., когда его структура и состав построек уже значительно изменились.

Проблема изучения городов Средней Азии VII—VIII вв. выдвигается всем ходом развития советской исторической науки. Исключительную важность этой проблемы неоднократно подчеркивал А. Ю. Якубовский, который называл такие города «дофеодальными», в отличие от городов рабовладельческой и феодальной эпох².

В настоящее время возникает потребность суммировать хотя бы вкратце опубликованные данные и материалы археологических изысканий последних лет, получивших особенно широкий размах. Разумеется, в краткой публикации нельзя охватить с достаточной полнотой все стороны проблемы; но если даже какие-либо детали будут упущены, подобная сводка даст общую картину и поможет впоследствии сосредоточить внимание на отдельных вопросах.

Основную тему статьи составляют города VII—VIII вв. Для иллюстрации очерка прилагается сравнительная таблица планов городищ, куда включены города, формирование и расцвет которых падают главным образом на VII—X вв. (рис. 1)³.

Проблему формирования раннефеодального города Средней Азии можно расчленить на три основных вопроса: пути развития, структура и, наконец, фортификация, застройка и благоустройство.

¹ В. А. Лавров. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950.

² А. Ю. Якубовский. Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии. Тр. Тадж. ФАН СССР, т. XXIX, Сталинабад, 1951, стр. 8.

³ В смысле хронологических рамок предлагаемая таблица составлена более сжато, чем у В. А. Лаврова, где помещены планы городов, населенных гораздо позже X в. и даже существующих донныне, таких как Бухара и Хива. Однако она не охватывает всех существующих городищ данного периода.

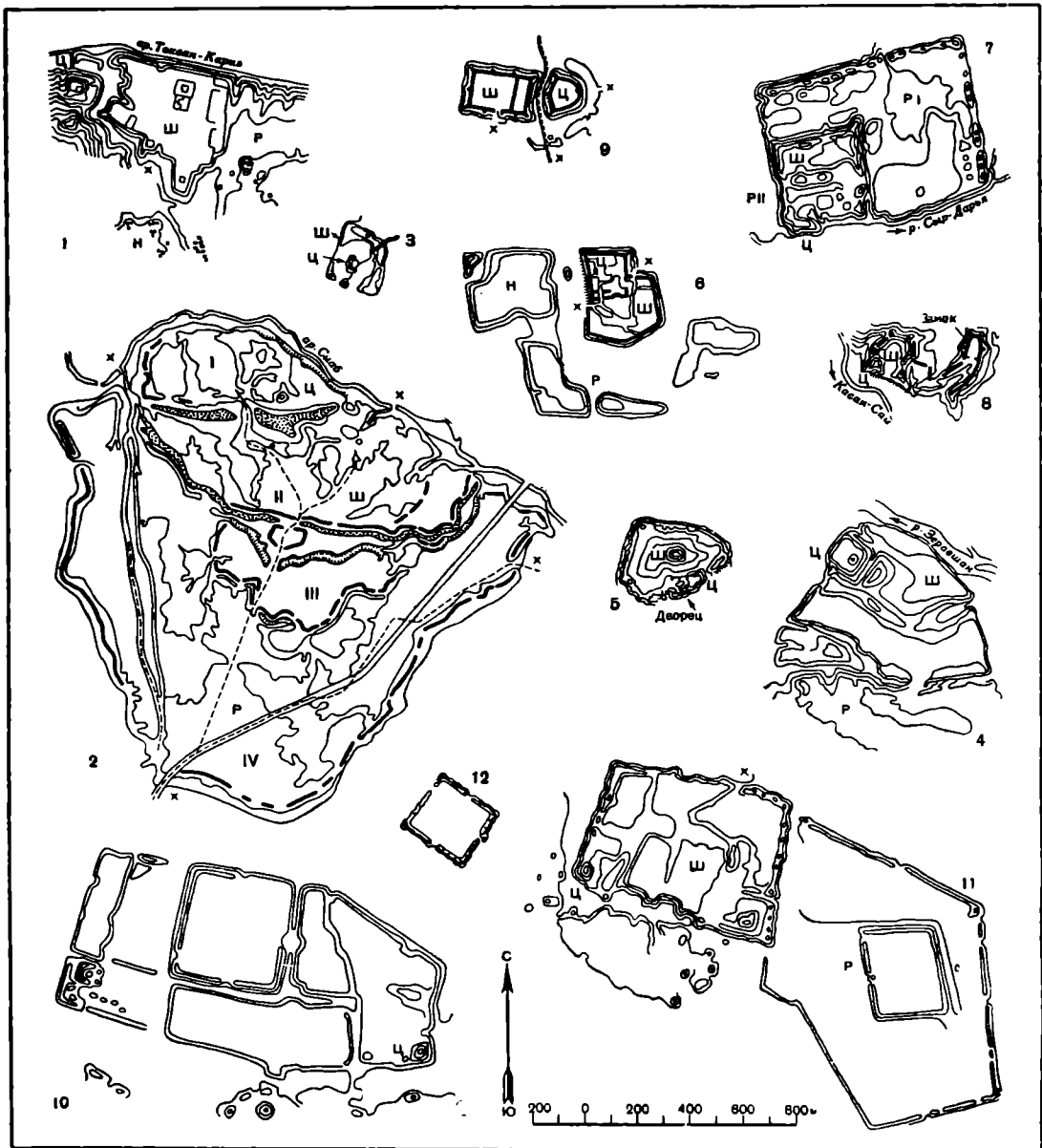

Рис. 1. Раннесредневековые городища Средней Азии

1 — древний Пенджикент (VI—VIII вв.); 2 — Самарканд (первые вв. до н. э. — XII в.); 3 — Тали-Барзу (II в. до н. э. — VIII в. н. э.); 4 — Дабусия (VII, X в. и позднее); 5 — Варахша (нач. н. э. — XI в.); 6 — Рамятан (VIII—XVII вв.); 7 — Ахзи (V—VIII, IX—XII вв.); 8 — Касан (город I—VIII вв., замок VII—VIII вв.); 9 — Хосров-Кала (VIII, IX вв. и ранее); 10 — Сарыг (VIII—XII вв.); 11 — Баласагун (VIII в.); 12 — Кошой-Коргон (VIII—IX—XIV вв.); (Условные обозначения: ц — цитадель; ш — шахристан; р — рабад; н — некрополь; ворота отмечены крестом)
 Планы заимствованы: 1 — из публикаций ТАЭ; 2 — по данным А. И. Тереножкина; 3, 4 — из ТОВЭ II; 5, 6 — из публикаций В. А. Шишкина; 9 — из Трудов ЮТАКЭ, т. II; 7, 8, 10, 11, 12 — из МИА №№ 14 и 26.

1. Формирование раннесредневековых городов

До последнего времени в литературе господствовала концепция образования средневековых городов Средней Азии при замке феодала. Предполагалось, что крепость-усадебка концентрировала вокруг себя торговоремесленный посад и вновь заселенная территория, окруженная со временем стенами, образовывала основное ядро среднеазиатского города — «шахристан»⁴. Эта концепция, сама по себе достаточно убедительная,

⁴ А. Ю. Якубовский. Феодалное общество Средней Азии и его торговля с восточной Европой в X—XV вв. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. I, Л., 1933, стр. 4; А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941, стр. 38, 39; В. А. Лавров. Ук. соч., стр. 50—52.

не может, однако, рассматриваться в качестве исчерпывающей и должна быть подвергнута коррективам в свете последних достижений советской археологии⁵.

В действительности пути формирования феодальных городов Средней Азии гораздо многообразнее. Различные авторы касались этой темы в большинстве случаев лишь попутно. Однако если связать воедино соответствующие высказывания различных исследователей, мы получим следующую весьма интересную сводку, которая обогащает наши представления о сложении и развитии среднеазиатских городов.

а. Образование торгово-ремесленного посада при замке феодала (см. выше).

б. Возникновение города из суммы отдельных замков. По данным А. Н. Бернштама, именно таким путем образовался на месте крупной согдийской колонии город Сарыг⁶.

в. Формирование торгово-ремесленного посада под защитой рабата или у стен караван-сарая. В качестве примеров можно указать средневековую Фераву, Куфен-Чугундор (Южная Туркмения)⁷ и др.

г. Сложение городов на месте рынков. Как отмечает А. Ю. Якубовский, товарообмен между кочевой степью и оседлыми землями, несмотря на враждебные между ними отношения, никогда не прекращался; на этой почве в низовьях Сыр-Дарьи возникают рынки, многие из которых превращаются в настоящие города. Так вырос в IX—X вв. на границе степи и культурной полосы город Сыгнак⁸.

д. Концентрация городского поселения при культовых ансамблях. По мнению А. Ю. Якубовского, древний Пенджикент был главным образом религиозным центром, средоточием святынь целой округи⁹. В. А. Лавров указывает на средневековый Наринджан¹⁰.

е. Образование городов-крепостей, ставок тюркских ханов на землях, где политическое и экономическое господство было в руках кочевников (Или, Тянь-Шань.). За стенами таких городов укрывалось во время войн население и скот, ставились шатры, следов же капитальных построек там нет. А. Н. Бернштам противопоставляет этот местный тип (Кошой-Коргон и др.) городам «согдийского типа» с цитаделью¹¹.

ж. Возрождение жизни в рамках античного города. В качестве примеров подобного рода С. П. Толстов называет хорезмийские Улу-Гулдурсун, Кават-Кала, Даудан-Кала¹². Мараканда — Афрасиаб унаследовал огромную площадь города рабовладельческой формации¹³.

⁵ Вопрос о пересмотре этой точки зрения уже десять лет назад поднят в литературе С. П. Толстовым. См. С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 351; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 240.

⁶ А. Н. Бернштам. Из итогов археологических работ на Тянь-Шане и Памиро-Алае. КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, стр. 62; его же. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, стр. 55.

⁷ М. Е. Массон. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 г. Тр. ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953, стр. 48, 49.

⁸ А. Ю. Якубовский. Развалины Сыгнака. Сообщ. ГАИМК, вып. II, Л., 1929, стр. 124, 125.

⁹ Его же. Древний Пенджикент. Сб. «По следам древних культур». М., 1951, стр. 219. Наличие крупного комплекса двух построенных рядом храмов, разумеется, говорит о большом значении религии в жизни города; однако, с нашей точки зрения, это обстоятельство явилось в данном случае следствием, а не причиной возникновения города. Главную роль играло его местоположение в качестве торгового пункта на стыке равнины и горных районов бассейна Зеравшана, что отмечено А. Ю. Якубовским в других его работах. См. А. Ю. Якубовский. Итоги работ Согдийско-Таджикской археологической экспедиции в 1946—1947 гг. МИА, № 15, 1950, стр. 42; его же. Вопросы изучения пенджикентской живописи. Живопись древнего Пенджикента. М., 1954, стр. 9, 10.

¹⁰ В. А. Лавров. Ук. соч., стр. 52.

¹¹ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 100 сл.; его же, Археологический очерк Северной Киргизии, стр. 85, 86.

¹² С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 236.

¹³ А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 156.

з. Сложение городов в период оформившегося феодального строя, в X в. и позднее, протекавшее без образования цитадели «арка»¹⁴.

Приведенные примеры показывают большое многообразие в сложении среднеазиатского феодального города.

Отсюда, однако, не следует, что в сложении среднеазиатского города не было закономерностей. Они были обусловлены рядом социальных и географических факторов, в первую очередь типом хозяйства. Но из сказанного видно, что при определении путей развития среднеазиатского города нельзя руководствоваться какой-либо одной предвзятой схемой. Пора поставить проблему сложения среднеазиатского города во всей ее многогранной сложности.

2. Структура раннесредневековых городов

Как известно, в работах В. В. Бартольда установлена трехчастная структура среднеазиатских городов раннего средневековья: дофеодальное городское ядро — «шахристан», цитадель — «диз» и нарастающий у их стен ремесленный пригород — «рабад»¹⁵. Открытия современной археологии дают повод оспаривать универсальность этой схемы¹⁶.

Средневековый город Средней Азии в известных условиях мог быть одночастным. С другой стороны, число составных частей города могло увеличиваться путем введения или выделения некоторых дополнительных элементов. Известно, какую видную роль в жизни средневековых городов Средней Азии играл некрополь, который окружал Бухару, нарастал крупными массивами Шахи-Зинда в Самарканде и Султан-Саадат — в Термезе. Роль некрополя раннесредневековых городов также была значительной; правильно очерченный некрополь Рамитана по площади почти равен шахристану и цитадели вместе взятым. Поэтому мы вправе поставить вопрос о том, что некрополь должен учитываться в качестве обособленной части города. Структуру Рамитана и древнего Пенджикента можно рассматривать в этом случае как четырехчастную. В ряде случаев дворец правителя выносится за стены шахристана и рабада, по существу составляя самостоятельную часть города (Кеш)¹⁷.

Следует также иметь в виду, что названные выше три части города определяются их социальным значением, но топографически каждая из них далеко не всегда представляет собой единое целое. Рабады нередко вырастали в количестве двух-трех одновременно или же постепенно, у разных ворот шахристана¹⁸. Обычны и расчлененные шахристаны; таким был по географическим условиям Узген¹⁹, Ферава состояла из трех (или даже четырех) разделенных стенами крепостей²⁰ и т. д. Наконец, даже цитадель могла быть не единственной; по данным Б. А. Литвинского, в Шехр-Исламе их было две²¹.

Таким образом, трехчастная структура не является непреложным законом для раннесредневековых городов Средней Азии. Сказанное, однако, не опровергает заключения В. В. Бартольда, которое явилось в свое

¹⁴ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 240.

¹⁵ В. В. Бартольд. История Туркестана. Ташкент, 1922, стр. 12.

¹⁶ Вопрос о пересмотре трехчастной схемы неоднократно поднимался в литературе. См. С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 240; М. Е. Массон. Некоторые итоги работ ЮТАКЭ и перспективы археологического изучения южного Туркменистана. ИАН Туркменской ССР, Ашхабад, 1951, № 1, стр. 95.

¹⁷ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900, стр. 134.

¹⁸ Б. А. Литвинский. Отчет о работе археологической группы V отряда ЮТАКЭ в 1947 г. Тр. ЮТАКЭ, т. II, стр. 259; Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений Южного Казахстана. Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. V, Алма-Ата, 1958, стр. 74.

¹⁹ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., рис. 109.

²⁰ Б. А. Литвинский. Ук. соч., стр. 292.

²¹ Там же, стр. 257.

время неизбежным результатом изучения письменных источников. А. Ю. Якубовский указывал, что обобщение В. В. Бартольда отнюдь не может быть распространено на все города Средней Азии, но закономерно для очагов земледельческой культуры Мавераннагра²². Изучение памятников Южной Туркмении, Казахстана и Киргизии показывает, что трехчастная схема городов фактически имела место далеко за пределами Мавераннагра.

Попытаемся охарактеризовать отдельные элементы трехчастного города и их взаимосвязи.

Шахристан. По В. А. Лаврову, для раннесредневековых городов Средней Азии в общем типичны: 1) неправильный план, 2) пересечение накрест главных улиц, 3) примыкание цитадели к одной из стен шахристана, 4) использование для фортификации природных условий местности²³.

Надо сказать, что эти признаки неодинаково точны. Одни из них, слишком общие, могут быть с равным успехом отнесены к более поздним городам Средней Азии и даже Руси и Западной Европы; другие более локальны, но тем не менее нуждаются в коррективах.

Неправильный план — следствие стихийного роста — отличает города раннефеодального времени от регулярных поселений рабовладельческого периода; но та же черта распространяется и на города позднего средневековья. Прилагаемая таблица к тому же показывает, что далеко не всегда шахристан и даже рабад отличались неправильной конфигурацией плана. Использование условий местности свойственно всякому укрепленному городу или поселению как на Востоке, так и на Западе²⁴. В том и другом случае многое зависело от характера местности, и нетрудно заметить, что близкие условия порождали сходство в плане и приемах фортификации. В этом отношении древний Пенджикент, примыкающий одной стороной к обрыву плато, сближается с Термезом и Самаркандом того же времени. Пересечение накрест главных улиц характерно для городов, свободно лежащих на равнине при наличии четырех ворот (Хива, Кеш, Мерв и др.); но при меньшем числе ворот правильное скрещивание главных улиц отпадает и практически наблюдается довольно редко. Что касается связи цитадели с шахристаном, то, как видно на примере Пенджикента и других городов, она далеко не всегда имела место.

Попробуем, насколько позволяет материал, углубить характеристику шахристана. Отметим прежде всего упомянутую выше любопытную особенность деления шахристанов на две и более частей. Если в некоторых случаях такое членение явилось естественным следствием постепенного расширения города (Афрасиаб, Пайкенд), а в других диктовалось топографией местности (Узген), то в ряде случаев правильное деление надвое прямоугольного городища заставляет подозревать преднамеренное дробление территории города. Согласно некоторым руководствам по фортификации, при делении города стеной преследовалась цель постепенной его обороны²⁵. Интересную мысль подсказывает нам трактат зодчего и теоретика итальянского ренессанса Альберти, который подчеркивает желательность расчленения города естественными или искусственными преградами с тем, чтобы было удобнее подавлять движение народных масс²⁶. Легко себе представить, как было кстати это правило

²² А. Ю. Якубовский. Итоги работ..., стр. 16.

²³ В. А. Лавров. Ук. соч., стр. 51, 59, 61, 62.

²⁴ Так, умелое использование топографии не раз отмечалось для русских средневековых крепостей. См., например, В. В. Косточкин. Оборонительные системы русских крепостей XIV — начала XVI вв. СА, 1957, № 1, стр. 132, 140.

²⁵ Ц. Кюи. Краткий исторический очерк долговременной фортификации. СПб., 1889, стр. 22, 24.

²⁶ Леон Батиста Альберти. Десять книг о зодчестве, т. I, М., 1935, стр. 134.

для Мавераннагра в пору восстания Муканны, да и при выборе места для Узгена раздробление природного массива, очевидно, рассматривалось именно с этой точки зрения как известное достоинство.

Ворот в раннесредневековых городах Средней Азии, если говорить о шахристане, было обычно четверо — по четырем сторонам города. Однако не следует считать это число твердо установленным; иногда в шахристане было по трое ворот (Бинкет), в небольших городах — по двое (Бунджикат, Рамитан) или даже всего одни (Данденакан, Сыгнак)²⁷. Известен лишь один случай, когда число ворот было более четырех (в шахристане Бухары их было семь)²⁸.

Когда заходит речь о типе внутригородской застройки, принято цитировать следующий текст Наршахи: «Среди города были замки, и некоторые кварталы были отделены и удалены один от другого подобно селениям»²⁹. Эти слова трактуются в том смысле, что внутри города были те же укрепленные усадьбы-кёшки, которые обычны для VII—VIII вв., например, в Хорезме, и различие сводилось главным образом к тому, что постройки эти были сосредоточены на небольшой площади и обнесены городской стеной³⁰. Таким же образом истолковывается одно из мест в тексте Худуд ал-алем, касающееся раннесредневекового Мерва: «Внутри его много дворцов (кошк)»³¹. Мы считаем, однако, рискованным полагаться на приведенное отрывочное указание Худуд ал-алем, так как характер застройки из него не вытекает, а сам термин «кёшк» имеет довольно широкое значение: он мог означать просто «здание» или «богатое здание»³². Таким образом, краткое свидетельство Наршахи остается по существу единственной характеристикой особенностей городской застройки времени арабского завоевания в письменных источниках.

Раскопки древнего Пенджикента позволяют сопоставить свидетельства письменных источников и данные археологии. В шахристане городища выявляется ряд слитных жилых комплексов. Усадебный характер раннесредневекового городского жилища, на котором так настаивал А. Ю. Якубовский³³, должен быть в настоящее время решительно отвергнут: тип городской застройки древнего Пенджикента, образующей целые кварталы, более отвечает указанию Истахри на «дом рода» знатных горожан древнего Мерва³⁴. Вместе с тем эта застройка обнаруживает известные регулярность и градостроительные начала, которые сказываются в ансамблевом решении храмовых комплексов с их площадями, в правильной фасадной линии здания III, в согласованной ориентации городских построек. В целом древний Пенджикент являет собою картину гораздо более зрелого феодального города, чем представляется из описания Наршахи.

Известно, что среднеазиатские города в пору раннего феодализма делились на кварталы по социальному и племенному признаку. О Мерве говорится, что он был разделен на четверти с определенными границами; примерно то же находим у Наршахи в отношении Бухары³⁵. Вероятно, нечто подобное было в древнем Пенджикенте, где раскопки начаты с самого богатого городского квартала.

²⁷ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. II, стр. 165, 171; МИТТ, т. I, М.—Л., 1939, стр. 188, 195; В. А. Шишкин. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. Ташкент, 1940, стр. 35—38, рис. 17; А. Ю. Якубовский. Развалины Сыгнака, стр. 142.

²⁸ В. В. Бартольд. Ук. соч., стр. 102.

²⁹ М. Наршахи. История Бухары. Ташкент, 1897, стр. 69.

³⁰ А. Ю. Якубовский. Вопросы изучения..., стр. 10; В. А. Лавров. Ук. соч., стр. 53; История Узбекской ССР, т. I, кн. I, Ташкент, 1955, стр. 181, 182.

³¹ МИТТ, т. I, стр. 213.

³² В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 35.

³³ А. Ю. Якубовский. Вопросы изучения..., стр. 13; История Узбекской ССР, т. I, кн. I, стр. 181, 182.

³⁴ МИТТ, т. I, стр. 173.

³⁵ Там же, стр. 173; М. Наршахи. Ук. соч., стр. 70.

Наконец, необходимо сказать несколько слов о размерах городов раннего средневековья. Из них лишь некоторые занимали значительную площадь. По праву гигантом считается Мерв, шахристан которого достигал солидной цифры — 400 га. Самарканд, не считая рабада, покрывал площадь около 65 га, а в целом свыше 200 га с периметром стен до 6 км. Шахристан Бухары занимал 30—35 га. К крупным городам можно отнести и Баласагун с шахристаном в 35 га. Но в большинстве города этого времени были невелики. Например, Пенджикент с площадью шахристана около 13 га был меньше Пайкенда, имевшего 2 км по контуру стен и площадь до 20 га, но больше крошечного Касана с периметром стен всего 600 м и приближался по размерам к Дабусии, где шахристан составлял примерно 400×480 м³⁶.

Цитадель. Цитадели были весьма различны по своему положению в плане города, по абсолютным и относительным размерам, а также, по-видимому, по своей структуре.

Существуют три варианта размещения цитадели относительно шахристана: 1) в системе городских стен, 2) внутри стен, 3) вне стен.

В первом варианте различают еще два случая: а) цитадель расположена на углу шахристана, б) на одной из его сторон. В приводимой таблице (см. рис. 1) первый случай (Ахзи, Баласагун, Сарыг и др.), пожалуй, преобладает; ко второму относятся Афрасиаб, Дабусия, Варахша. Связанная с оградой шахристана цитадель имела иногда двое ворот, открывавшихся в шахристан и в рабад (Бинкет, Бухара).

Ко второму варианту относятся городища Тали-Барзу и Кафыр-Кала под Самаркандом, Джуль и др.

Наконец, третий вариант городища с цитаделью, отделенной от шахристана, встречается довольно редко. К типу отдельных городищ принадлежат, насколько известно, лишь древний Пенджикент и Хосроу-Кала в Южной Туркмении. Однако, если судить по письменным источникам, для своего времени отделение цитадели от шахристана являлось отнюдь не исключительным, а скорее характерным явлением; такова была доарабская Бухара, раннесредневековые Бунджикат (отождествляемый в настоящее время с Ура-Тюбе) и Ахзи. Более того, по Мукаддаси, Узгенд, где цитадель входила в состав шахристана, именно этим отличался от прочих городов³⁷.

Отметим, что положение цитадели в плане города могло со временем меняться. Так, по мысли В. А. Шишкина, в центральной части городища Варахши лежат остатки более древней цитадели³⁸. Предполагаемые две цитадели Шехр-Ислам могли возникнуть и функционировать одновременно.

Состав застройки самой цитадели был также неодинаков. Различаются следующие основные случаи: 1) цитадель сочетает жилую башню, донжон-«кёшк», со двором (все в целом можно назвать «кахом»), 2) цитадель представляет собой кёшк, лишенный двора, 3) цитадель состоит из двора без кёшка. В качестве примера первого рода можно назвать цитадель древнего Пенджикента, примером второго рода является варахшинская цитадель; цитадель Хосроу-Кала представляет собой полигон крепостных стен с башнями без следов донжона.

³⁶ Цифры заимствованы из следующих работ: В. А. Жуковский. Развалины Старого Мерва. СПб., 1894, стр. 111; А. Ю. Якубовский. Краткий полевой отчет о работах Зарафшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939 г. ТОВЭ, т. II, Л., 1940, стр. 52; его же. Археологическая экспедиция в Зарафшанскую долину 1934 г. ТОВЭ, т. II, стр. 155; А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 233; площадь Самарканда и Баласагуна — по планам.

³⁷ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. II, стр. 102, 157, 161, 167.

³⁸ В. А. Нильсен. Варахшская цитадель. Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР. Ташкент, 1956, стр. 86.

Наконец, размеры цитадели, как абсолютные, так и относительные, также колеблются в широких пределах. Например, цитадель Баласагуна занимает сравнительно с шахристаном ничтожную площадь, тогда как в Хосроу-Кала цитадель равна примерно половине шахристана, а в Рамитане — по крайней мере двум третям последнего.

Чем же вызвано это многообразие форм?

Очевидно, расположение цитадели по отношению к шахристану не случайно и в каждом отдельном случае диктовалось определенными условиями. Возможно, что эти условия в какой-то мере зависели от путей формирования города и от функций цитадели.

Функции цитадели, разумеется, связаны с составом ее построек. Однако о них известно очень немного.

Письменные источники сообщают, что цитадель далеко не всегда была местопребыванием правителя³⁹; зато почти всегда там помещалась тюрьма. Более точных сведений о характере построек цитадели древние авторы не дают; к тому же они рисуют цитадель на более позднем этапе развития, когда круг ее функций, очевидно, расширился.

К настоящему времени полностью изучена раскопками только одна цитадель VII—VIII вв., варахшская; раскрыты кёшк и часть двора пенджикентской цитадели⁴⁰. Варахшская цитадель состоит из компактного гофрированного здания и более поздней пристройки. По мнению В. А. Нильсена, первая являлась резиденцией владельца, вторая — казармой гарнизона⁴¹. Оригинальна структура пенджикентской цитадели. Расположенная на плече холма, она имеет в плане очертания четырехугольника, распадающегося на внешнюю и внутреннюю зоны; внешнюю зону составляют широкий подъемный пандус и двор, огибающие с трех сторон квадрата внутреннее укрепление, в углу которого высится кёшк. По высоте эта система расчленена на три яруса: естественная возвышенность, искусственная платформа внутреннего укрепления, глинобитный цоколь донжона (всего 25—30 м над уровнем современной грунтовой дороги, огибающей подножие цитадели). В целом цитадель с постепенно повышающимся кулуаром внешней зоны представляет собой подобие зиккурата, причем кёшк соответствует его вершине. Таким образом, пенджикентская цитадель, очевидно, является типом спирального сооружения, где кёшк занимает положение центра спирали или ее «глазка». Это аналогия джетыясарским «спиральным домам» (которую в свое время безуспешно искал на территории Средней Азии С. П. Толстов⁴²) с тем небольшим отличием, что в основе построения лежат не плавные кривые и не многоугольник, а квадрат.

Но различие в структуре варахшинской и пенджикентской цитаделей не объясняет, почему первая заключена в кольцо стен городища, а вторая находится вне его. Скорее, напротив, такое различие является не причиной, а следствием неодинакового расположения цитадели в плане города: варахшинская представляет собой более лаконичный вариант организации, поскольку она находилась в системе шахристана, пенджикентская же должна была иметь самостоятельные дворы, укрепления и комплекс обслуживающих построек. Разумеется, в основном цитадель служила военным постом, помещением гарнизона, последним убежищем в случае осады. Однако этим не исчерпывается ее назначение.

³⁹ По мнению В. А. Лаврова (см. В. А. Лавров. Ук. соч., стр. 61), посреди города находилась цитадель с дворцом правителя, что, однако, опровергается письменными источниками.

⁴⁰ В. А. Нильсен, Ук. соч.; А. И. Тереножкин. Раскопки в кухендизе Пянджикента. МИА, № 15, 1950, стр. 81—93; Б. Я. Ставиский. Раскопки жилой башни в кухендизе пянджикентского владельца. МИА, № 15, стр. 94—99.

⁴¹ В. А. Нильсен. Ук. соч., стр. 88.

⁴² С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР (1945—1948 гг.). Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1952, стр. 26—28.

Возможно, что кое-какие разъяснения мы найдем в уже упоминавшемся труде Альберти. Последний неоднократно подчеркивает зависимость характера городской фортификации от взаимоотношений основной массы горожан и правителя. Вот отрывок из его труда: «...крепость должна давать возможность беспрепятственных вылазок, чтобы можно было нападать на врагов, на граждан и на своих солдат, если того потребует мятеж или измена, и чтобы можно свободно вызвать подмогу от своих или извне...»⁴³. Таким образом, назначение цитадели — противостоять не только чужеземному войску, но в случае надобности и народным восстаниям: она была оплотом феодальной власти не только против внешних, но и против внутренних врагов.

Нельзя ли в таком случае поставить в связь расположение цитадели в плане города и социальную обстановку данного времени? Не в этом ли ключ к решению вопроса?

Такое объяснение представляется веским. Три варианта цитаделей соответственно могут быть истолкованы следующим образом. Цитадель посреди города служила оплотом не только правящей верхушки, но в значительной части и массы горожан; отрезанная от внешнего пространства, она была мало приспособлена к борьбе с собственной «чернью» и оказалась бы западней в случае народного восстания. Цитадель в системе стен равно удобна для сопротивления внешнему и внутреннему врагу, принимает подкрепление извне и открывает путь к отступлению. Наконец, цитадель вне шахристана выявляет картину полного отчуждения власти и городского населения; это как бы эмблема обостренных социальных противоречий, которыми сопровождалось развитие феодального строя.

Приведенные соображения как будто находят подтверждение в археологической практике. Вспомним предположение о существовании более ранней цитадели Варахши, стоявшей посреди города, тогда как более поздняя возникла на его границе.

С этой точки зрения любопытны также руины Касана VII—VIII вв., где рядом с шахристаном стоял «замок правителя». Этот замок тюркских завоевателей, поставленный на командной точке по отношению к городу и прилежащей местности, возник позже самого города⁴⁴. По существу касанский замок с его скалистым пандусом меж двух параллельных стен является наиболее близкой аналогией пенджикентской цитадели (там и здесь изолированное от шахристана командное положение, связующие стены, пандус). Случайно ли это сходство и нет ли каких-то сближающих моментов в судьбе обоих городов? Почему, например, в живописи Пенджикента изображены кое-где правители и военачальники с тюркским типом лица? Укажу также на любопытную особенность рельефа городища: современный уровень северо-западного угла шахристана не уступает цитадели. Не скрывается ли здесь более древняя цитадель, соответствующая ранним слоям застройки городища? Последующие раскопки должны раскрыть не одну загадку древнего города.

Рабад и окрестности города. Развитие рабада соответствовало укреплению феодальных отношений. Для VII—VIII вв. понятие рабада является довольно условным, поскольку он не всегда был ограничен стеной. Рабад Бухары был обнесен стеной уже после арабского завоевания⁴⁵. А. Ю. Якубовский отмечает в системе бухарского Кампырдувала пять городов, некоторые довольно значительных размеров (как, например, Дабусия), но нигде не упоминает о стенах рабада⁴⁶. Письменные источники, однако, указывают, что Кят во времена арабского завое-

⁴³ Л.-Б. Альберти. Ук. соч., стр. 140.

⁴⁴ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 236, рис. 94, 97.

⁴⁵ М. Наршахи. Ук. соч., стр. 47.

⁴⁶ А. Ю. Якубовский. Археологическая экспедиция...

вания уже состоял из трех частей⁴⁷. Рабады семиреченских городов Сарыга и Баласагуна в рассматриваемый период, очевидно, уже были околтурены стенами.

В раннее средневековье наряду с укрепленными городами существовали отдельные замки-усадьбы. Такие усадьбы, «кёшки», сконцентрированные вокруг определенного города и ему подчиненные, образовали населенный район — «рустак». Разведки и раскопки на землях Согда и Усрушаны показывают наличие в VII—VIII вв. множества таких замков; работы в Семиречье выявляют большое разнообразие внегородской застройки — кёшки, небольшие крепости «турткули» и т. д.⁴⁸. Не только город с близлежащим пригородом, но и целый рустак окружался стеной. В Чуйской долине наблюдается характерный местный тип городищ, имеющих относительно небольшое центральное ядро (шахристан?) с цитаделью и два обширных кольца стен, из которых первое включало рассредоточенную застройку усадебного типа, второе, лишенное застройки, окружало, по-видимому, сады и пашни⁴⁹. Районная стена Мерва ар-Рай охватывала «все городские поселки» на территории до 250 км². При наличии огороженного рустака, вероятно, отпадала необходимость защищать стеной ближайший пригород шахристана, и, таким образом, рабад как бы растворялся в пространстве рустака.

Итак, для раннего средневековья устанавливается целая система соподчинения городской и сельской застройки. В этом отношении не является исключением даже Хорезм, где в VII—VIII вв. преобладало усадебное расселение, но мелкие замки концентрировались вокруг более крупных, примером чему может служить рустак Беркут-Кала; закономерность соподчинения города и рустака выявляется здесь более рельефно в XI—XII вв. (например, рустак Кават-Кала).

3. Фортификация, застройка и благоустройство раннесредневекового города

Вопросы застройки раннесредневековых городов Средней Азии могут быть поставлены лишь в настоящее время и в основном благодаря раскопкам древнего Пенджикента. Здесь должен быть выделен в первую очередь малоизученный, но важный вопрос фортификации городов.

Ф о р т и ф и к а ц и я являлась первым необходимым условием существования средневековых городов. При возведении города всегда стремились по возможности обеспечить хотя бы с одной стороны естественную преграду; города располагались на обрывистом берегу, на мысу. Практиковалось, кроме того, искусственное заболачивание местности⁵⁰. Тип оборонительных сооружений был тесно связан с уровнем развития военной техники — видами оружия, приемами боя. Основным оружием полевого боя являлись лук и стрелы, большую роль играла конница, вооруженная луками, копьями, мечами. Из письменных источников известно, что при осаде крепостей применялись осадные машины, баллисты, подкопы, лестницы и, очевидно, зажженные стрелы⁵¹.

Крепостные сооружения широко обследованы в Хорезме, но очень мало известны в восточных областях Средней Азии. Укрепления VII—VIII вв. остаются почти совсем неизученными. Но даже те немногие дан-

⁴⁷ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. II, стр. 143, 144.

⁴⁸ См. О. И. Смирнова. Археологические разведки в Усрушане в 1950 г. Тр. ТАЭ, т. II, МИА, № 37, 1953, стр. 189 и сл.; А. Х. Маргулан. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана, Алма-Ата, 1950.

⁴⁹ П. Н. Кожемяко. Из истории раннесредневековых поселений Чуйской долины. Тр. Ин-та истории АН КиргССР, вып. IV, Фрунзе, 1958, стр. 134, сл.

⁵⁰ А. Н. Бернштам. Памятники старины..., стр. 60.

⁵¹ К. А. Иностранцев. Сасанидские этюды. СПб., 1909, стр. 49, 81; М. Наршахи. Ук. соч., стр. 92.

ные, какими мы располагаем, будучи приведены в известную систему, представляют значительный интерес.

Главным, почти повсеместным материалом при возведении оборонительных сооружений служили пахса и сырец. Основные элементы оборонительных сооружений — городские стены, башни, защита ворот и, наконец, цитадель.

Самый существенный элемент обороны — городские стены довольно хорошо изучены в Хорезме, где они имели во времена рабовладельческого строя массивное основание и галерею для стрелков в верхней части, крытую сводом или балочным потолком; галерея связывала между собой выступающие наружу крепостные башни. Это устройство в основном сохранилось у раннесредневековых Базар-Калы и Беркут-Калы, но оно заметно изменяется в XI—XII вв. Известные образцы крепостных стен

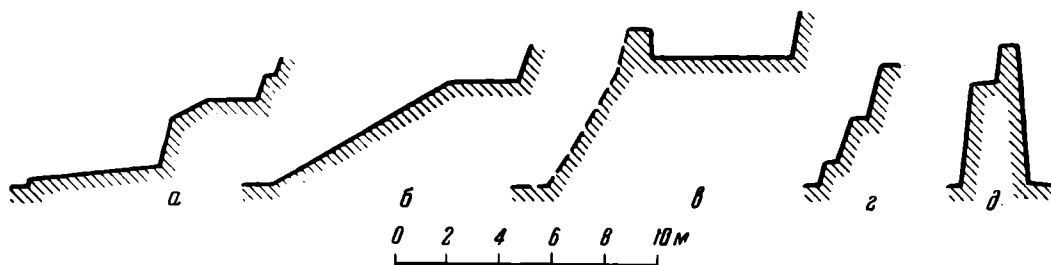

Рис. 2. Элементы фортификации раннесредневековых городищ Средней Азии

а — подножие городских стен Нисы; *б* — древнего Пенджикента; *в* — Улу-Гульдурсун; *г* — профиль стены древнего Пенджикента (внутренняя сторона); *д* — профиль стены Термеза XI—XII вв.

средневековых городов Мавераннахра отличаются весьма простым поперечным профилем (рис. 2). Термезские стены, отвесные с внутренней стороны, имели сверху открытый ход для стрелков, защищенный тонким бруствером. Пенджикентские стены обрывались внутрь города тремя ступенями, подобное устройство давало защитникам города подняться на стену в любом ее месте. Внешняя поверхность стен (в соответствии с обычными требованиями фортификации) была слегка покатой. Завершение стен не сохранилось; не исключено, что оно было зубчатым: стеновые зубцы не раз упоминаются в описаниях⁵²; фигурируют они и в настенных росписях.

Помимо профиля крепостных стен, в разрезе следует обратить внимание на устройство их основания или цоколя, которое бывает вынесено наружу и образует нечто вроде ступеньки или бермы. Эта особенность наблюдается у южных стен пенджикентского шахристана, причем берма достигает высоты 4 м над уровнем прилегающей местности, а откос ее составляет около 30° (рис. 2). Таким образом, в Пенджикенте мы имеем, видимо, начальную фазу развития определенного элемента фортификации. Правда, в стенах Старой Нисы получил мощное выражение цоколь двускатного профиля, парализующий, по мнению Г. А. Пугаченковой, действие стенобитных машин⁵³. Однако подобный цоколь независимо от его масштабов по своему назначению едва ли имеет что-нибудь общее с бермой, о которой идет речь. Напротив, можно без труда найти родственные черты в хорезмийских укреплениях XI—XII вв., где берма достигает своего наивысшего развития и образует вокруг городских стен широкую панель, обнесенную дополнительным бруствером. В специальной военно-инженерной литературе эти дополнительные стенки

⁵² Например, стены Самарканда. См. В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. II, стр. 86.

⁵³ Г. А. Пугаченкова. К характеристике крепостной архитектуры Старой Нисы. ИАН ТуркмССР, 1952, № 1, стр. 20.

оцениваются как противощтурмовые⁵⁴. Однако эта краткая характеристика не дает конкретного понятия о назначении подобной системы. Может быть, пристенные бермы в комбинации с далеко вынесенными башнями служили для вылазок гарнизона во время атаки противника? Как бы то ни было, эти бермы были весьма существенным элементом обороны города. Весьма вероятно, что именно они фигурируют в летописях Рашид-ад-дина под термином фасил⁵⁵ (в переводе «гласис»).

В плане линия городских стен иногда образует изломы в соответствии с требованиями раннесредневековой фортификации; эта особенность отмечена А. И. Тереножкиным на Афрасиабе и Б. А. Литвинским в Шехр-Исламе⁵⁶.

Иногда одиночная линия укреплений казалась недостаточной, и в некоторых городищах мы находим двойную, даже тройную систему стен. Так, двойная линия стен наблюдается в старом Термезе, в городище Шахристан II в Шахристане, а в древних укреплениях Ура-Тюбе прослеживаются даже тройные стены⁵⁷. По сообщению Бируни, цитадель Кята была обнесена тройной стеной; по-видимому, расстояние между двойными стенами в некоторых случаях могло быть значительно расширено, так как о средневековом Бинкете говорится, что у него два ряда стен, из которых внешняя имеет семь, а внутренняя — десять ворот (если здесь не идет речь о двух разновременных стенах рабада)⁵⁸.

Городские стены дополнялись снаружи рвом, который мог располагаться также между двойными стенами.

Стены городов снабжались крепостными башнями, которые являлись основными узлами обороны в системе городских стен. Расстояние между башнями не должно было превышать двойного полета стрелы. Башни различались по формам (конфигурации плана), устройству, местоположению (угловые, стеновые и др.). Прямоугольные очертания плана башен античных городов вытесняются к VII в. круглыми и овальными. Закономерность этого перехода поясняется в трактатах Витрувия; выступающие углы были слишком уязвимы для стенобитных машин⁵⁹. Главное отличие в устройстве — закрытый и открытый тип башен. К первому относились всегда башни античных городов, связанные стеновым ходом. Расчищенная башня пенджикентского шахристана открытого типа представляет собой как бы выступающую наружу кулису.

Кроме стеновых, существовали выносные башни, которые ставились на некотором расстоянии от стен и давали возможность усилить фланговый обстрел неприятельского авангарда. Выносные башни, очевидно, составляют особенность средневековой фортификации; по крайней мере, образцы такого рода в городищах более раннего времени нам не известны. Такие башни ставились в первую очередь там, где требовалось усиленное укрепление. Выносная башня защищала, например, подступ к южным воротам пенджикентского шахристана; в Кафир-Кале целая система выносных башен охраняла цитадель. Как свидетельствуют памятники Хорезма, выносные башни получили максимальную роль в среднеазиатской фортификации XI—XII вв., упраздняя в некоторых случаях систему стеновых башен, за исключением угловых. Великолепная крепость Улу-Гульдурсун была снабжена поставленными по одной оси

⁵⁴ В. Огородников. Фортификация древнего Хорезма. Военно-инженерный журнал, 1950, № 5, стр. 47.

⁵⁵ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2. М., 1952. Упоминается разрушение монголами крепостной стены и гласиса Самарканда (стр. 207), Балха (стр. 218) и т. д.

⁵⁶ Б. А. Литвинский. Ук. соч., стр. 255.

⁵⁷ О. И. Смирнова. Ук. соч., стр. 198, 208.

⁵⁸ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. 11, стр. 143.

⁵⁹ Витрувий. Десять книг об архитектуре. Пер. Ф. А. Петровского, М., 1936, стр. 33.

парными башнями (рис. 3), причем на углах получалась также двойная система башен. При этом если башни Улу-Гульдурсун могли соединяться со стеной посредством перекидных деревянных мостков, то выносные башни кафир-калинской цитадели были совершенно обособлены, и стрелки, находившиеся в них, были предоставлены самим себе; внешне эта особенность сказывалась в высоком пахсовом цоколе башен, в камеру которых можно было проникнуть лишь по приставной лестнице.

Система выносных башен Хорезма, связанных между собой лентой бермы, говорит о том, что противника стремились не допустить к самой

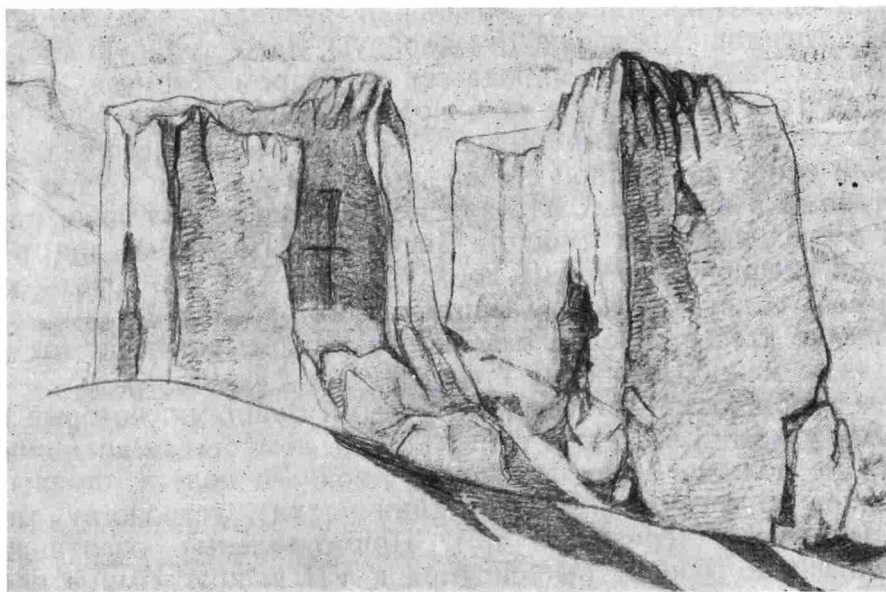

Рис. 3. Выносные башни Улу-Гульдурсун. Рисунок автора

городской стене. Такая система обороны находит близкую параллель в укреплениях средневекового Ирана, образцом чего могут служить городские стены Иезда XII—XIV вв.⁶⁰

Для обороны ворот служили предвратные лабиринты, хорошо изученные в крепостях Хорезма. Подъезд к южным воротам пенджикентского шахристана начинался с запада от выносной башни и шел узким коридором между крепостной стеной и дополнительным валом. Попадая в город, неприятель встречал заслон высоких построек с поворотом вправо.

Важнейшим элементом городской обороны являлась цитадель, защищенная собственной системой стен и башен; о ее двойной функции говорилось выше.

В древних постройках Средней Азии обращает на себя внимание любопытная черта — так называемые «гофрированные стены». Отмеченные уже в античных крепостях, они весьма характерны для средневековых укреплений на всей территории Средней Азии. Известны и крепостные стены (например, Чалдывар), выполненные в этой манере, однако гофры составляют принадлежность главным образом, кёшков, цитаделей, башен. О роли и происхождении гофр было высказано в печати немало предположений. Одни исследователи полагают, что гофры являются трансформацией некоторых крепостных или архитектурных деталей — башен, бойниц, пилястров и т. д.⁶¹ Этому мнению противоречит сама распространенность гофр, которая показывает, что они вовсе не реминисценция,

⁶⁰ SPA, т. II, 1938—1939, рис. 442 а.

⁶¹ А. И. Тереножкин. Археологические разведки в Хорезме. СА, VI, 1937, стр. 184; С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 139; В. А. Лавров. Ук. соч., стр. 64.

а функционально важный элемент стены. Другие выдвигают версию конструктивного значения (пространственная жесткость стены, сопротивление выветриванию⁶²). К этому склонялся в свое время и автор предлагаемой статьи⁶³. Однако несмотря на явные конструктивные преимущества гофрированных стен, основное их назначение — оборонительное. Дело в том, что такая стена лучше противостоит каменным ядрам, которые скользят по ее ребрам и теряют часть ударной силы. Эту особенность конструкции открывает нам опять-таки трактат Альберти⁶⁴, а заимствованный из комментариев рисунок наглядно ее поясняет (рис. 4).

Наконец, необходимо сказать несколько слов о внегородских оборонительных сооружениях. Кроме упоминавшихся выше стен, ограждающих целый пригородный район, в систему оборонительных сооружений входили сторожевые башни; они размещались цепью вдоль дорог с расчетом взаимной видимости двух соседних башен и служили для сигнализации о приближении неприятеля.

Приемы средневековой среднеазиатской фортификации имеют много общего с западными. Можно указать на примеры тройной системы городских укреплений, употребление сигнальных башен⁶⁵, предвратных лабиринтов и т. д. Однако мы не можем указать на средневековом Западе чего-либо похожего на систему бермы с выносными башнями. Пограничные стены типа Кампыр-дувала находят аналогию в «змиевых валах» на территории Украины⁶⁶, а на Дальнем Востоке — в мощном поясе Великой китайской стены.

Городские постройки. В результате археологического изучения последних лет (особенно раскопок Пенджикента) раннесредневековый город открывается как сложный и многогранный организм, в корне отличный от «античных» среднеазиатских городов с их размеренной планировкой. План его сильно расчленен, а типология построек многообразна. Раскопки выявляют следующие типы зданий: 1) жилые, 2) культовые, 3) погребальные — наусы; кроме того, можно предполагать наличие в городах общественных сооружений типа общинных домов⁶⁷, а также — караван-сараев и бань.

Городские постройки возводились из битой глины и сырца, со сводчатыми сырцовыми или деревянными балочными покрытиями. Жженный кирпич играл в основном подсобную роль; лишь в исключительных случаях из него строились целые здания, которые неизменно привлекали внимание средневековых историков и отмечались ими особо⁶⁸.

В раскопках древнего Пенджикента впервые открывается возможность изучать не уникальные образцы, но подлинно массовые типы жилой застройки раннефеодального города Средней Азии. Жилые здания представлены различными формами: это крепостное жилище (цитадель), городской жилой дом, загородная усадьба. Городские жилища знати представляют собой большие комплексы с айванами и парадными залами,

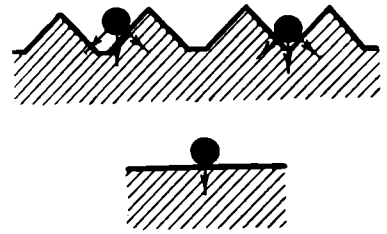

Рис. 4. Действие удара ядер на стены с гладкой и гофрированной поверхностью

⁶² В. Пилевский. Гофрированные постройки Средней Азии. Архитектура СССР, 1941, № 5.

⁶³ В. Л. Воронина. Древняя строительная техника Средней Азии. Архитектурное наследство, 1953, № 3, стр. 15.

⁶⁴ Л.-Б. Альберти. Ук. соч., стр. 121.

⁶⁵ Ц. Кюи. Ук. соч., стр. 6, 24.

⁶⁶ Н. Н. Воронин. Крепостные сооружения. История культуры древней Руси, т. 1, М.—Л., 1948, стр. 441.

⁶⁷ В. Л. Воронина. К вопросу о типе общественных сооружений раннесредневекового города Средней Азии. СА, 1957, № 4, стр. 83—92.

⁶⁸ Так, в описаниях Мерва говорится о «доме правления» из жженого кирпича и двух соборных мечетях, целиком «каменных».

украшенными настенной живописью и даже скульптурой, с резными деревянными потолками и колоннами. Вместе с тем на городище различаются дома средних слоев городского населения и дома бедняков. Городские дома строились в два-три этажа, сообщавшихся посредством пандусов и лестничных клеток. Стены помещений сохранились нередко на полную высоту, и видно внутреннее устройство комнат (рис. 5). Загородные усадьбы представляли собой скромные небольшие постройки, рассчитанные на одну семью, но имевшие тем не менее два этажа⁶⁹.

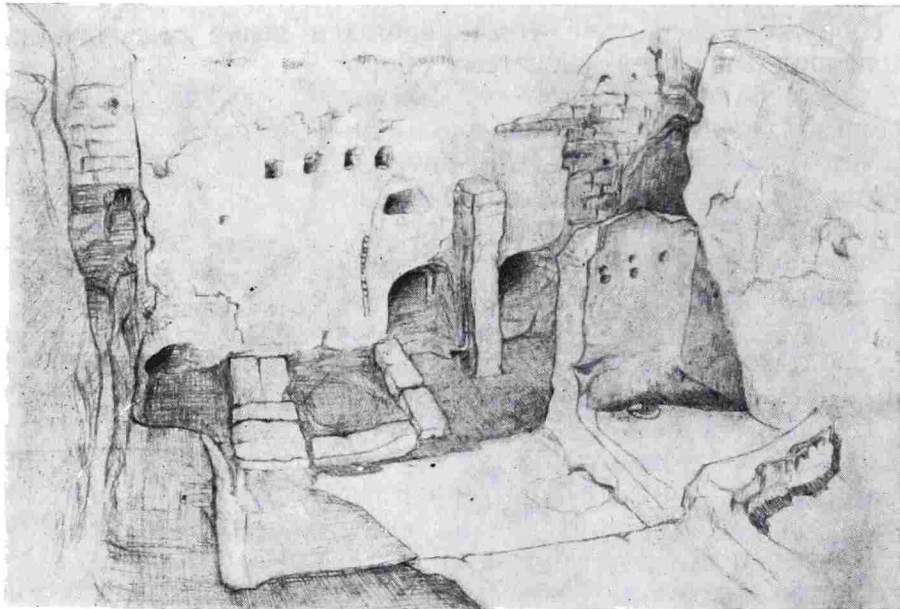

Рис. 5. Комната с очагом одного из домов древнего Пенджикента.
Рисунок автора

Дворцы, согласно свидетельству письменных источников, располагались различно: в цитадели, в шахристане или в рабаде. Отмечены даже случаи выделения дворца за пределы города (см. выше). В Средней Азии открыт раскопками целый ряд великолепных дворцовых сооружений: в Нисе, Топрак-Кале, Варахше, Термезе. Из них к интересующему нас времени относится только варахшинский дворец, смежный с цитаделью. К сожалению, многочисленные перестройки не дают возможности восстановить первоначальный план здания; но его внушительные размеры, монументальный портик входа, богатство живописной и стуковой декорации вполне отвечают его назначению⁷⁰. До сих пор еще не выяснено, где находился в Пенджикенте дворец Диваштича⁷¹.

Самостоятельные здания общественного назначения пока не выявлены раскопками. Однако есть основания считать, что в жилую застройку вкраплялись комплексы общественного характера.

Многое сделано за последнее время для выяснения облика домусульманских культовых зданий. Предполагается, что на территории Средней

⁶⁹ О жилище в раскопках Пенджикента см. В. Л. Воронина. Городище древнего Пенджикента как источник для истории зодчества. Архитектурное наследство, № 8, 1957.

⁷⁰ См. В. А. Шишкин. Варахша, СА, XXIII, 1955.

⁷¹ А. Ю. Якубовский придерживался мнения, что дворцом Диваштича было на городище Пенджикента так называемое здание III. Этому противоречат два существенных обстоятельства: 1) здание VI отличается меньшим богатством декорации, 2) в обоих указанных зданиях многократно повторяется группа помещений одинакового состава. См. А. Ю. Якубовский. Древний Пенджикент, стр. 258. А. М. Беленицкий разделяет мнение А. Ю. Якубовского. См. А. М. Беленицкий. Предварительный отчет о работах Пенджикентского отряда в 1954 г. Тр. АН ТаджССР, т. XXXVII, Сталинабад, 1956, стр. 19.

Азии соседствовали различные религии: местные формы зороастризма, манихейство, буддизм, несторианское христианство. Письменные источники сообщают о существовании «домов огня» и «домов идолов». Раскопками открыты храмы по крайней мере трех культов.

Храмы древнего Пенджикента, расположенные в шахристане, окруженные надворными постройками, высились на просторном дворе, их прекрасные четырехколонные залы свободно открывались на восток (рис. 6)⁷². Культовые сооружения, однако, не всегда находились в шахристане; буд-

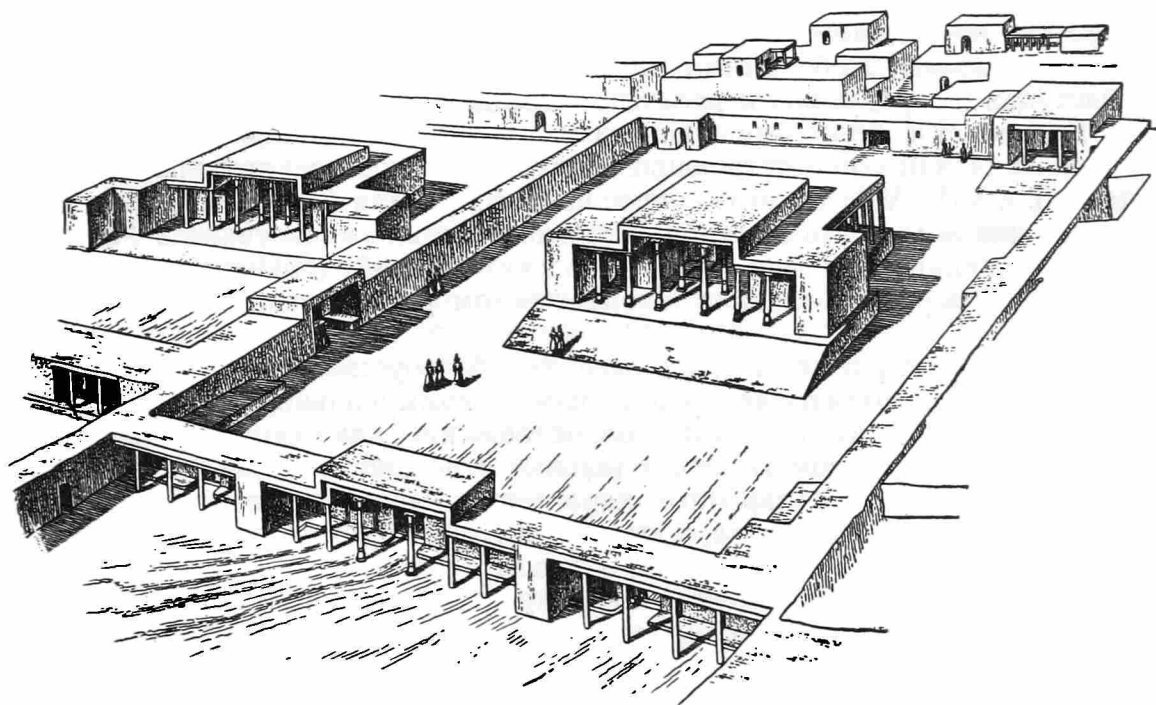

Рис. 6. Храм древнего Пенджикента. Реконструкция автора

дийские храмы, христианская часовня Баласагуна были построены в пригороде. В планировке храмовых зданий Баласагуна и Пенджикента намечаются общие черты, их украшали богатая живопись и скульптура.

Скромные небольшие наусы служили хранилищем глиняных гробиков с костями — астоданов. Они размещались вне шахристана в одиночку, группами или образовывали обширный некрополь.

Сведения о постройке бань в Средней Азии восходят ко времени Мукавны⁷³. Средневековые авторы упоминают о банях Мерва, Данденакана, Нузвара⁷⁴. Самые ранние из открытых раскопками бани Афрасиаба и Тараза датируются X—IX вв.⁷⁵

Перечень типов застройки раннесредневекового города может быть дополнен. Поскольку существовала караванная торговля и периодические ярмарки с большим стечением приезжих, были необходимы помещения для людей и скота. По письменным источникам, у стен города строились караван-сарай, которые отмечены в Гургенче и Данденакане. По Табари,

⁷² Дискуссии по поводу местного культа пока не привели к какому-либо определенному заключению; предполагаются манихейство или некий вариант зороастризма (вероятно, синкретизированные и своеобразные). См. А. Ю. Якубовский. Древний Пенджикент, стр. 255 сл.; А. М. Беленицкий. Вопросы идеологии и культуры Согда по материалам пенджикентской живописи. Живопись древнего Пенджикента.

⁷³ М. Наршахи. Ук. соч., 94.

⁷⁴ МИТТ, т. I, стр. 188, 194, 195.

⁷⁵ В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда. Ташкент, 1926, стр. 16; А. Н. Бернштам. Бани древнего Тараза и ее датировка. ТОВЭ, т. II; его же. Памятники старины таласской долины, стр. 54—57.

у ворот Пайкенда каждая деревня имела свой «рабат»⁷⁶. Действительно, близ стен Пайкенда сохранились остатки крупных зданий, расположенных главным образом вдоль дороги к воротам шахристана; В. А. Шишкин считает их «рабатами»⁷⁷. Для более раннего времени можно указать одну из построек пенджикентского городища, расположенную у подножия цитадели. Это правильно очерченное крупное здание, помещения которого окружали, по-видимому, прямоугольный двор. Постройка не подвергалась раскопкам, но, судя по формату сырца, соответствует расцвету жизни города. Поставленная под защитой цитадели у истоков полноводного ключа, она именуется в устной традиции «бодж-хона» (таможня) — название, впрочем, по-видимому, позднее⁷⁸. Мне кажется, постройка эта являлась караван-сараяем; любопытно отметить при этом, что она расположена на подступах к городу, как и рабаты Пайкенда.

Возникает вопрос: строились ли в городах здания административного назначения или соответствующие функции были сосредоточены во дворцах? Для VII—VIII вв. этот вопрос не выяснен; для более позднего времени источники указывают монументальное «здание правления» в Мерве⁷⁹.

Приведенный перечень типов городских зданий (возможно, еще не полный) говорит о большом типологическом разнообразии городской застройки.

Благоустройство. Городское благоустройство (в широком смысле слова) охватывает ряд вопросов коммунального обслуживания населения. Сюда входят рынки, водоснабжение, канализация и т. д.

Торговля на первом этапе феодальных отношений, как видно из первоисточников, носила ярмарочный характер⁸⁰. Рыночное место выделялось обычно вне стен шахристана, у его ворот. В. В. Бартольд отмечает, что базары были расположены главным образом в пригородах⁸¹. Однако вскоре торговля получает более постоянный характер; на торговой площади концентрируется и ремесленное производство. Например, в шахристане саманидской Бухары было не менее двух рынков, которые, по словам Наршахи, погибли при пожаре и, следовательно, представляли собой уже в то время комплекс специальных построек⁸².

Местоположение пенджикентского рынка или рынков не выяснено; очень возможно, что обмен местных и привозных изделий совершался у стен (или внутри стен) упомянутого «караван-сарая». По словам старожил, здесь происходили вплоть до недавнего времени ежегодные ярмарки.

Вода проводилась в город из ближайшей реки или же с гор, иногда за десятки километров, как открытыми, так и подземными каналами — кяризами. Известно, что система водоснабжения раннесредневековых Бухары, Самарканда и Мерва состояла главным образом из арычной сети и хаузов. При этом в Бухаре, как сообщает Истахри, шахристан был расположен на возвышенном месте, куда вода не могла быть проведена, и орошался лишь рабад⁸³. В Самарканде вода поступала в город по свинцовому желобу и распределялась сетью арыков; помимо арычной системы, население пользовалось колодцами⁸⁴. О Мерве средневековые географы сообщают, что там были хаузы и «пруды с воротами» (сардоба?), отлично

⁷⁶ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. II, стр. 121.

⁷⁷ См. А. Ю. Якубовский. Краткий полевой отчет о работах Зарафшанской археологической экспедиции..., стр. 62.

⁷⁸ О. И. Смирнова. Археологические разведки в бассейне Заравшана в 1947 г., МИА, № 15, стр. 71.

⁷⁹ МИТТ, т. I, стр. 172.

⁸⁰ М. Наршахи. Ук. соч., стр. 30 и др.

⁸¹ В. В. Бартольд. К истории Мерва. ЗВОРАО, т. XIX, СПб, 1910, вып. 4, стр. 136.

⁸² М. Наршахи. Ук. соч., стр. 118.

⁸³ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. II, стр. 102.

⁸⁴ В. Л. Вяткин. Ук. соч., стр. 13—16.

поставленное распределение воды по арычной сети, а в цитадель вода подавалась подземными каналами (кяризами)⁸⁵.

Открытая система арыков была, возможно, более распространенным, но не единственным способом городского водоснабжения. В городах Средней Азии издавна применялась подземная система водоснабжения с помощью гончарных труб, по местной современной терминологии — «кубуров».

Кубурами пользовались уже в глубокой древности: гончарные водопроводные трубы открыты в Айртаме, а в парфянской Нисе они выполняли функции канализации⁸⁶. Для раннесредневекового города водопровод из гончарных труб *in situ* впервые отмечен в литературе по материалам раскопок древнего Пенджикента. Пенджикентский шахристан имел водопровод из кубуров, обнаруженный во дворе здания II⁸⁷. Вероятно, вода поступала в бассейны, которые, как можно предположить, были на площадях перед храмами. Кубурная система водоснабжения была удобна и вполне удовлетворяла потребности небольших плотно заселенных городов, каким был Пенджикент.

Но пенджикентский водопровод, разумеется, был не единственным для своего времени, о чем говорят многочисленные повсеместные находки кубуров. На Афрасиабе арычная сеть дополнялась отводами из кубуров⁸⁸, фрагменты водопроводных труб найдены в Сарыге (VIII—X вв.)⁸⁹. Еще более многочисленны находки такого рода для более поздних веков; к ним относятся водопровод Тараза и кубуры старого Термеза XI—XII вв.⁹⁰; многокилометровые крытые каналы Языра того же времени⁹¹, остатки домовых водопроводов предполагаемого города Хульбука на юге Таджикской ССР⁹² и т. д.

Кубуры употреблялись не только для водопровода, но и для канализации местного типа. Образцы такого рода во множестве открыты на Варахше в слоях X—XI вв. Это были водосливы во дворах и помещениях жилых домов (аналогично современным «абриз», «ташнау»). Устройство состояло из нескольких элементов: 1) кирпичного ящика-коллектора, 2) водоотвода из положенных с небольшим уклоном кубуров, 3) поглощающего колодца из хума (жорчаги), как правило, в опрокинутом виде. Трубы обычно образовывали над хумом отвесное колено и вставлялись в его разбитое днище; часто использовались разбитые или негодные сосуды, соединявшиеся по два-три вертикально. Один водослив, где хум стоит нормально, кверху горлом, датирован VIII в⁹³.

Впоследствии в городах Средней Азии применялась и магистральная канализация. В термезе XI—XII вв. обнаружена клоака в виде подземной сводчатой галереи из жженого кирпича; такие же клоаки — «тазары» были в Бухаре⁹⁴.

⁸⁵ МИТТ, т. I, стр. 172.

⁸⁶ М. И. Вязьмитина. Керамика Айртама времени Кушанов. Тр. АН УзССР, сер. I, история и археология, Ташкент, 1945, стр. 38; М. Е. Массон. Новые археологические данные к изучению истории Парфии, ИАН ТуркмССР, 1952, № 5, стр. 16.

⁸⁷ А. М. Беленицкий. Раскопки согдийских храмов в 1948—1950 гг. Тр. ТАЭ, т. II, стр. 55.

⁸⁸ В. Л. Вяткин. Ук. соч., стр. 13—16.

⁸⁹ А. Н. Бернштам. Чуйская долина, МИА, № 14, 1950, стр. 42.

⁹⁰ Там же, табл. XCIV; М. Е. Массон. Городища старого Термеза и их изучение. Тр. ТАЭ, т. I, Ташкент, 1941, стр. 55.

⁹¹ Б. А. Литвинский и В. Г. Мошкова. Изучение Така-Языра, Дуруна. Тр. ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949.

⁹² Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Кулябской области в 1953 г. Доклады АН ТаджССР, вып. II, Сталинабад, 1954, стр. 41.

⁹³ С. К. Кабанов. Раскопки жилого квартала X века в западной части городища Варахша. Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, 1956, стр. 95, 102 сл., рис. 7, 9, 10; М. Х. Урманова. Раскопки на центральном бугре городища Варахша в 1953 г., там же, стр. 128, рис. 4—6.

⁹⁴ М. Е. Массон. Городища старого Термеза и их изучение, стр. 55.

Форма кубуров, как можно заметить, в VII—VIII вв. представляет собой попросту усеченный конус, причем узкий конец одного патрубка вставлялся в широкий конец последующего. В XI—XII вв. появляются более разнообразные формы кубуров с заострением на одном конце и муфтой-раструбом — на другом⁹⁵.

О других видах городского благоустройства можно сказать немного. По сведениям арабских географов, улицы Бухары и Самарканда X в. были вымощены камнем⁹⁶, в Таразе XI—XII вв. открыты булыжные мостовые и тротуары из каменных плит⁹⁷. Выгребных ям, столь характерных для XI—XII вв., на городищах VII—VIII вв., насколько мне известно, не обнаружено. Мукаддаси сообщает, что в Кяте «грязь собирают в ямах, потом отвозят на поля в мешках»⁹⁸.

В раннесредневековых Мерве и Самарканде были древесные насаждения⁹⁹, которые обычно сопровождают открытые водоемы.

В целом складывается определенное впечатление, что среднеазиатские города раннего средневековья не уступали по благоустройству городам XIX — начала XX в., а в некоторых случаях стояли даже выше (могущество улиц, подземный водопровод). Более того, среднеазиатские города VII—VIII вв. намного опередили в этом отношении города древней Руси и Западной Европы; так, вымощенный и снабженный водоотводами древний Новгород занимал по благоустройству первое место в Северной Европе; однако эти сооружения его относятся самое раннее к X—XI вв.

* * *

В заключение хотелось бы затронуть еще некоторые вопросы, связанные с раннесредневековым городом Средней Азии.

Прежде всего — о контингенте населения. В литературе установилась точка зрения, что основным населением раннефеодального города являлась крупная земельная аристократия, храмовое жречество, богатые купцы; из низшего сословия упоминаются военные, слуги, рабы, зависимые и свободные ремесленники. Раскопки древнего Пенджикента заставляют задуматься еще раз над этим вопросом. Где размещался основной земледельческий слой населения, который непосредственно кормил плодами своего труда массу горожан? За восточной стеной шахристана раскрыто около десятка домов, которые составляют единственные остатки жилья на значительном пространстве к востоку от города; к югу простирается некрополь. Если здесь и были другие постройки, то они, очевидно, в противоположность раскопанным, носили характер временных сооружений, так как не оставили никаких следов. Возможно, что известная часть земледельческого люда обитала также в стенах пенджикентского шахристана, чему не противоречит характер некоторых построек внутри городских стен (например, здания XII). Подобное заключение подтверждается этнографическими материалами, которые свидетельствуют о том, что и вплоть до XX в. земледельцы, имевшие собственные участки, а также батраки жили в стенах города, и нередко внегородская застройка ограничивалась только легкими сооружениями в виде навесов и шалашей. В этом смысле интересны небольшие укрепления в Фергане, которые население покидало лишь в период поле-

⁹⁵ Размеры средневековых кубуров, по данным различных публикаций, выражаются в следующих цифрах: длина — от 43 и примерно до 100 см, наибольший поперечник (включая стенку) — от 15 до 25 см, выводное отверстие — иногда всего 8 см в поперечнике.

⁹⁶ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. II, стр. 93, 115.

⁹⁷ А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины, стр. 57.

⁹⁸ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. II, стр. 145.

⁹⁹ МИТГ, т. I, стр. 174.

вых работ, с тем чтобы при малейшей тревоге укрыться снова в стенах города ¹⁰⁰.

Интересно также рассмотреть средневековый город Средней Азии в исторической перспективе и сравнительно с градостроительством зарубежного Востока.

Если сопоставить формы градостроительства рабовладельческого и раннефеодального периодов Средней Азии и зарубежного (главным образом Ближнего) Востока, мы найдем, что города Средней Азии имели собственный путь развития, во многом отличный от градостроительства древнего Ирана и Месопотамии. В Двуречье сложился план круглого города с дворцовым комплексом посередине (Хатра). Этот тип был распространен на территории сасанидского Ирана (Фирузабад, Ктесифон) и унаследован аббасидским градостроительством (круглый город Багдад). Круглая планировка раннесредневековых городов нашла применение почти исключительно на землях Казахстана ¹⁰¹. Идеалом планировки среднеазиатского города рабовладельческого и раннефеодального времени остается прямоугольник стен, впоследствии все более искажаемый стилистическими градообразовательными процессами.

В современной историко-археологической литературе намечается некоторая тенденция представить развитие феодального города как процесс, начинающийся заново, при полном отрицании прежних градостроительных норм. Это далеко не так. А. Ю. Якубовский подчеркивал преемственность этого развития введением промежуточного термина «дофеодальный». Единовременная и подчиненная регулярному плану схема античных поселений определила в свое время тип города прямоугольного очертания и многие раннефеодальные города Средней Азии (древние Мерв, Термез, Ахзи, Баласагун, Исфиджаб-Сайрам) тяготеют к нему, но редко сохраняют прямоугольные контуры городского ядра в последующие века (примером последнего является Хива). Раннесредневековый город характеризуется большим раскрытием внутреннего пространства; в его шахристане имелось трое или четверо ворот. Однако для больших городов число ворот было меньшим. Цитадель составляет весьма характерный признак раннефеодального города, но не исключительную его принадлежность: она имела и у городищ рабовладельческого периода (Топрак-Кала и Базар-Кала в Хорезме, кушанские городища юга Узбекской ССР и др.) ¹⁰². Даже возникновение рабада не совершается скачкообразно. В работах С. П. Толстова неоднократно отмечается концентрация мелких усадеб вокруг значительных крепостей, а у крупной позднеантичной Топрак-Калы уже намечалась пригородная застройка. Парфянская Ниса заключала в себе собственно город (Новая Ниса), цитадель (Старая Ниса) и обширный пригород полусельского типа, обнесенный валом ¹⁰³. Таким образом, предпосылки планировки раннефеодального города Средней Азии складываются задолго до его формирования.

В ответственный момент созревания феодальных отношений основные части города Средней Азии, шахристан и цитадель, играли первенствующую роль. Шахристан былместилищем основной массы городского населения, цитадель — тем феодальным оплотом, который регулировал эту жизнь, направляя удары не только против внешних врагов, но и против самих горожан в случае местных бунтов и смут. Со временем картина меняется. Вступают в силу узаконенные феодальные нормы,

¹⁰⁰ Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. М.—Л., 1954, стр. 16—18.

¹⁰¹ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Ук. соч., стр. 71.

¹⁰² С. П. Толстов. Древний Хорезм, рис. 47, 62; Л. И. Альбаум. Некоторые данные по изучению Анхорской группы археологических памятников (1948—1949 гг.). Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР, вып. 7, Ташкент, 1955, стр. 117, рис. 1; стр. 131, рис. 17.

¹⁰³ Г. А. Пугаченкова. Парфянские крепости южного Туркменистана, ВДИ, 1952, № 2, стр. 217.

создаются прочные государственные объединения (например, саманидское государство) с централизованным управлением, регулярным войском, налоговым аппаратом. В этих условиях цитадель отмирает; при Истахри грандиозную мервскую цитадель уже возделывали под бахчи, цитадели Кеша и Несефа при саманидах превратились в руины и т. д.¹⁰⁴ Грозное могущество цитадели уже в прошлом, она превращается в рудимент¹⁰⁵. Бурный рост торгово-ремесленного предместья, с трудом подчиняемый какому-либо регламенту, создает стихийный характер развития города. Контуры городских стен, которые периодически становятся слишком тесными для города, меняют очертания и усложняются. Складывающиеся общественные отношения способствуют возникновению внутри города различных узловых пунктов — общественных центров, площадей, рынков. Большинство городов Средней Азии, жизнь которых продолжалась до наших дней, представляет картину хаотической и запутанной планировки.

Кроме этого, следует заметить, что некоторые черты в плане среднеазиатских городов представляют собой пережиток глубокой древности и восходят ко времени формирования раннесредневекового города.

Группа дворов, населенных родственниками, образовывала самостоятельный квартал с собственной улочкой, отделенной от городской улицы воротами, которые запирались на ночь. Эти образования до сих пор отчетливо видны в городах Ферганы. Распад таких родовых ячеек был одним из формообразующих моментов в живом организме города, где то и дело возникали новые тупики, которые ветвились и врезались словно щупальцы в массивы городской застройки. Эти родовые гнезда живо напоминают указания арабских географов о четырех кварталах Мерва, а также слова Наршахи, который упоминает квартал Бухары, принадлежавший одному из дикхан и занимавший четвертую часть города¹⁰⁶.

Любопытен факт существования в Фергане вплоть до XX в. уже упомянутых выше небольших селений-крепостей, где земледельческое население проживало зимой и укрывалось от грабительских банд, которыми кишела Фергана в смутную пору Кокандского ханства. Такие крепости в свою очередь делились на кварталы¹⁰⁷.

Таков в основном комплекс вопросов, возникающих при изучении исторической топографии раннесредневековых городов Средней Азии. Если связать воедино материал по планировке городов и городских зданий, их конструкциям и убранству, если осмыслить функции отдельных частей города и его построек, наметить их исторические связи, мы приблизимся к пониманию социального содержания жизни города. Как правильно замечает А. Ю. Якубовский, историческая топография города является формой, заключающей в себе социально-экономическое содержание городской жизни¹⁰⁸. Точно так же и городские постройки являются формой, несущей на себе отпечаток жизненных потребностей и условий жизни общества, иными словами — социального содержания. Выяснение этого содержания, т. е. вопросы классовой структуры общества, его экономики, идеологии, производительных сил, явится заключительной стадией исследования материальных памятников раннесредневековых городов Средней Азии.

¹⁰⁴ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. II, стр. 134, 136.

¹⁰⁵ Впрочем, это явление нельзя принять как абсолютную закономерность, так как в столичных городах цитадель существовала до последнего времени в форме «арка» — укрепленного дворца и средоточия административной власти.

¹⁰⁶ М. Наршахи. Ук. соч., стр. 70.

¹⁰⁷ О. И. Смирнова. Археологические разведки в Усрушане в 1950 г., стр. 229; Культура и быт таджикского колхозного крестьянства.

¹⁰⁸ А. Ю. Якубовский. Главные вопросы..., стр. 4.